

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП

2018-2019 УЧЕБНЫЙ ГОД

9–11 КЛАССЫ

Максимальное время выполнения заданий: 300 мин.

Максимальное количество набранных баллов: 100.

Пользоваться можно: бумага, ручка.

I тур.

Аналитическое задание (на выбор: анализ либо прозаического, либо поэтического текста).

1. Выполните целостный анализ рассказа Ю.В. Трифонова (1925–1981), входящего в цикл «Опрокинутый дом» (1980). Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы/поэтики: название, композиция, темы времени и памяти.

Ю.В. Трифонов.

Кошки или зайцы?

Я приехал в город через восемнадцать лет после того, как был здесь впервые. Тогда мне было тридцать пять, я бегал, прыгал, играл в теннис, страстно курил, мог работать ночами, теперь мне пятьдесят три, я не бегаю, не прыгаю, не играю в теннис, не курю и не могу работать ночами. Тогда приехал в Рим в толпе туристов, теперь я здесь один. Тогда вокруг были друзья, теперь окружают малознакомые итальянцы, которые заняты своими делами, и я их понимаю. Между прочим, они довольно необязательные, часто опаздывают на полчаса, а то и на час. Я жду в вестибюле гостиницы. Они милые люди. Я привык к их опозданиям. Они не могут переделать себя. Здесь, в Риме, перемешаны тысячелетия, перепутаны времена, и точное время трудно определить. Оно здесь не нужно. Ведь это **Вечный город**, а для вечности опоздание не имеет значения. Вы живете в доме XIX века, спускаетесь по лестнице XVII, выходите на улицу XV и садитесь в автомобиль XXI века. Я изучил все иллюстрированные журналы, что валяются на круглом столике в вестибюле гостиницы «Сан-Рафаэль», фасад которой затоплен желтовато-серым, шуршащим на ветру водопадом дикого винограда, а может быть, плюща. Во всяком случае, тут заросли какой-то исчахшей от жаркого лета ползучей зелени.

Так вот: тогда я был нищ, скуп, по городу ходил пешком, жалея тратить лиры на автобус, вечерами валился с ног от усталости, утром вскакивал бодрый, как пионер, на витрины книжных магазинов смотрел со жгучей тоской; теперь могу купить любую книгу, ходить пешком мне скучно и утомительно; кроме того, я всегда куда-то спешу и езжу на такси. Тогда я жил в бывшем публичном доме «Каиро», обитательниц которого на время Олимпиады выселили и в узких комнатах поселили нас, туристов, неподалеку от вокзала, рядом с рынком и кинотеатром «Люкс», на пятый этаж мы поднимались пешком; теперь живу в «Сан-Рафаэле», рядом с площадью Навона, и это совсем непохоже на пансионат «Каиро». Тогда меня все ошеломляло, я все хотел запомнить, мучился желанием написать что-нибудь лирическое обо всем этом, а теперь ничто не ошеломляет

и не слишком хочется писать. Тут много причин. Не стану о них распространяться. Скажу лишь: жизнь – постепенная пропажа ошеломительного.

В воскресенье пришел один из малознакомых итальянцев, опоздав на сорок минут, милый человек по имени Джани, и предложил поехать куда-нибудь за город. Например, в Дженцано. Я засмеялся: Дженцано был единственный город в окрестностях Рима, где я побывал восемнадцать лет назад! Хорошо его помню. Я же написал рассказ о Дженцано. Нельзя ли в другое место? Но Джани мялся, явно не желая ехать в другое место, и вскоре объяснилось: он жил в Дженцано и ему надо было по хозяйственным делам непременно заехать домой. Мы поехали. По дороге я вспоминал: маленький город, который живет производством цветов. Там бывают карнавалы и фейерверки. Тогда в компании полупьяных и ошеломленных друзей я сидел в траттории Пистаментуччия, пил кьянти, ел жареную зайчатину (то была особая охотничья траттория, и все убранство внутри эту особенность подчеркивало: рога оленей, чучела, оружие на стенах), пел песни, раскачиваясь на лавке и обнимаясь с соседями; потом хозяин подарил нам фотографии своей траттории с шеренгой официантов и поваров в колпаках перед входом, сам усатый господин Пистаментуччия в середине шеренги, потом мы сидели за столиками на площади, душно, одуряющее пахло цветами и порохом, соревновались пиротехники, в небе что-то крутилось и сверкало, потом к нам подвели человека по имени Руссо, который провел два года в нашем плену, у него была глянцеви́тая голова, он изображал рукою, будто пилит дрова, и говорил: «Очень карашо!». Обо всем этом я когда-то написал. В том стиле лирической прозы, который был моден в шестидесятые годы. Рассказ назывался «Воспоминание о Дженцано». И это было действительно самое дорогое и лучшее мое воспоминание о той поездке. Была какая-то свобода, молодость, запахнута́сть, всечеловечность и хмель, хмель! Я не мог бы внятно объяснить, что значила для меня ночная площадь в Дженцано. И охотничья траттория Пистаментуччия. Но все это осталось во мне как музыка тех лет со всеми их радостями, надеждами, предвкушениями. А теперь палил зноем воскресный пустой Рим, желтел на камнях полувысохший Тибр, Джани ехал по своим делам домой, а я зачем-то увязался с ним, понимая, что напрасно, повторения быть не может. Музыка отзвучала. Двое из тех, с кем я был тогда в Дженцано, умерли, двое других ушли от меня далеко.

Городишко не изменился за восемнадцать лет. Это был тоже маленький **вечный** город. В ресторане на веранде, где воздух дрожал от жары, где лежала тень от платанов, вокруг столиков бегали во множестве дети, на каменных плитах, забившись в угол, где попрохладнее, дремали жалкие собачонки вроде тех, которых любил рисовать Карпаччио, незаметно всовывая их в свои громадные загадочные полотна, я спросил у Джани. Существует ли та траттория Пистаментуччия. Не знаю, зачем спросил. По-настоящему она меня не интересовала. Она годилась только как воспоминание. Я не собирался ее искать. Джани ответил: траттория существует, но теперь там другой хозяин. У прежнего хозяина два года назад случились большие неприятности. У него был процесс. Его обвинили в том, что вместо жареных зайцев он давал гостям жареных кошек.

Я едва не крикнул: «Они были вкусные! Я помню!» Еще мне хотелось крикнуть: «А как же рассказ “Воспоминание в Дженцано”? Значит, неправда? Значит, не теплые сумерки, не море цветов, не песни враскачку с соседям, трудовыми людьми Италии, с их мужественными, обоженными солнцем лицами, не чудесное кьянти, не охотничий запах зайчатины, а – жареные кошки?» И сразу пришла другая мысль: «Вот так надо кончать рассказ! **Надо его дописать!**» но я не крикнул ни того, ни другого, ни третьего. Я молчал, подавленный. Потому что всею кожей и задохнувшимся сердцем вдруг почуял разницу между нами: мною тем и сегодняшним. **Дописывать ничего не надо.** Нельзя править то, что не подлежит правке, что недоступно прикосновению – то, что течет сквозь нас. Разумеется, мало радости узнать, что когда-то тебя изумлявшее и делавшее счастливым оказалось фальшивкой и ерундой. Боже мой, но ведь ощущение счастья было! И навсегда остались пение, шум в голове, петарды, Руссо. Правда, я не почувствовал за всей красотой жареных кошек. Я не прозрел истину. Несчастные жареные кошки есть повсюду. И писатель не имеет права делать вид, что их нет, он обязан их обнаруживать, как

бы глубоко и хитро они ни скрывались. Все так, но мне было тогда тридцать пять, я бегал, прыгал, играл в теннис, страстно курил, мог работать ночами.

Я спросил у Джани: что стало с синьором Пистаментуччиа?

– Его оправдали, – сказал Джани. – Но он не захотел жить в Дженцано и продал тратторию. Теперь она называется «Настоящие зайцы».

1980

Выполните целостный анализ стихотворения Н.М. Рубцова (1936–1971) «Журавли». Обратите внимание на следующие компоненты его содержания и формы/поэтики: смысл центрального образа-символа, своеобразие воплощения образа лирического героя, эмоциональная доминанта стихотворения, особенности стихотворного размера.

Н.М. Рубцов.

Журавли.

Меж болотных стволов красовался восток
огнеликий...

Вот наступит октябрь – и покажутся вдруг
журавли!

И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...

Широко по Руси предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц.

Всё, что есть на душе, до конца выражает рыданье
И высокий полёт этих гордых прославленных птиц.

Широко на Руси машут птицам согласные руки.

И забытость болот, и утраты знобящих полей –

Это выразят всё, как сказанье, небесные звуки,

Далеко разгласит улетающий плач журавлей...

Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!

Выходите скорей, чтоб взглянуть на высоких своих!

Вот замолкли – и вновь сиротеет душа и природа

Оттого, что – молчи! – так никто уж не

выразит их...

1965

II тур

Творческое задание

Напишите эссе на тему «Иностранец в русской литературе» (не менее 200 слов), используя известные Вам соответствующие образы в отечественной литературе любого периода.